

Александр Яшин

Муза Яшина — северянка. Недаром так названа одна из лучших его книг. Север сказался и в пейзаже, и в мировосприятии поэта, и в языке его, то органически связанном с северными говорами, то нарочито играющем особенностями вологодского произношения. Суровая природа Севера — поэтическая стихия Яшина:

«Ветер такой,
Что визжат провода,
Воют столбы,
И с повадкой медвежьей,
О валуны раздрав невода,
Лезет взбеснившаяся вода
На каменистое побережье».

Александр Яшин — самобытный поэт. У Яшина не только свой, отличный от других язык, но верное чувство интонаций, живой ритм, идущий от народного творчества, и сравнительно высокая техника стиха.

В произведениях Яшина целая галерея образов северян: безыменные охотники, моряки, рыбаки, колхозники, сильные, задорные, овеванные своеобразной романтикой, и знатные люди края.

Яшин начал писать в годы, когда социализм воплотился в действительность, когда народ, пожиная плоды завоеванной победы, зажил счастливой, обеспеченной жизнью.

Первые стихи Яшина были проникнуты глубокой душевной радостью за утвердившийся социалистический строй, который принёс людям новое мироощущение, зажиточность и культуру.

На глазах поэта и деревня, и город, и люди меняются: становятся богаче и краше. Яшин хорошо понимает, что это преображение жизни далось не даром:

«Наши отцы добывали врага,
И громыхала полночь прикладом».

Вспоминная с благодарностью о подвиге отцов, поэт клянётся любить и беречь Родину, на которой так могуче расцвела новая жизнь:

«Появится враг, и мы снова в снегу
Его похороним.
На горло наступим».

В старой, дореволюционной, да и в какой-то степени даже доколхозной деревне особенно тяжкой всегда была доля женщины. После победы колхозного строя его великая преобразующая сила, его преимущества необыкновенно ярко сказались на положении крестьянки. Политический и духовный рост

женщины-крестьянки, достижение ею подлинного равенства с мужчиной — один из постоянных и излюбленных мотивов поэзии Яшина.

Вологодская кружевница выросла в государственного деятеля, «завела сношения со Бнешторгом», а дочка её, будучи «бригадиршей на льнокомбинате», «ещё учиться норовит».

Девушки довоенных стихов Яшина словно впервые осознают тот крутой позор, какой произвела революция в их личной судьбе. Заезжий учёный видит девушку Олёну и удивляется её чудесному наряду. Девушка отвечает ему:

«В старопрежнее-то время
И на свадьбе
Мне бы в этаким наряде
Не гулять бы».

В стихотворениях «Невеста» и «Сватовство» поэт показывает, как наперекор старым обычаям девушки сами выбирают женихов и как колхоз строит дома для своих ударниц, чтобы и после замужества они оставались в своих бригадах. В цикле стихов Яшина, посвящённых советской колхозной девушке, особенно глубока по мысли сказка «Зеркальце» (1944—1945 годы), написанная по мотивам фольклора. Героиня сказки самоотверженно работает в тылу во время Отечественной войны, а зеркальце, «дживное, слепое, окривевшее стекло», ей изщёптывает:

«Отдохни, не надорвись.
Красоту поберегла бы!
Без неё и жизнь не в жизнь.
Без неё куда вы, бабы!»

Но Наталья противопоставляет этому враждему шлопоту скрепшее, воспитанное социалистическим обществом новое сознание.

Колхозницу Евдокию Петровну выбирают в Верховный Совет; на собрании её муж говорит, что раньше «было положено: за недоходы, за мор — за всё отвечать жене». Но сейчас рядом с деревней стали строить завод, осушать болота, «жона берётся за всё «сберучь».

«А человек она в теле и силе,
Словно бы заново жить начала».

Яшин удачно сформулировал здесь основное чувство, родившееся в народе: «Жизнь начинается заново». Это сказалось всюду: и в богатой, помолодевшей Вологде, где болотные топи «погребены под асфальтом», и в быту полярных охотников, которые бережно выбирают лучший бровный мех в подарок товарищу Сталину:

«И жизни наши
Отныне во век
В надёжных и верных
В его руках».

Но как ни мила Яшину родная деревня, как ни дорог ему целебный воздух родных сказок, он знает и иной, грозный лик современности и трудности борьбы за новый, социалистический строй.

В 1940 году Яшин печатает свою поэму «Мать».

И автору и герою поэмы Василию близок и дорог до слёз бедный северный пейзаж:

«Всё дом,
Всё отчий край!
Всё сторона родная!
Поэзия без края, без конца!»

В этом извечно милом краю та, которая ближе всех для человека, — мать, верность и любовь непоколебимая. Когда-то с этой матерью мальчик Василий просил милостыню. Потом он попал в детдом, поступил в техникум, и поэма начинается с того, что герой едет к матери на побывку.

Но вся эта тишина, красота, сельская идиллия оказываются обманчивыми: далеко не всё — «дом», не всё — «отчий край», и мать, выйдя замуж за кулака, перешла душевно во вражеский стан.

Яшин не испугался остроты темы. Он показал внутреннюю борьбу и классовую неоднородность крестьянства и поставил перед читателем не только социальную, но и моральную проблему.

Прав ли Василий, раскулачивая родную мать? Она вешается с горя, и читателю тяжело читать об этом, но совесть его на стороне сына, а не матери. Пусть автору не хватает литературного вкуса и он мелодраматически сгущает краски: мать натравливает бешеного дворового пса на односельчан, причём пёс кусает для пущей трогательности не взрослых, а детей.

Это недочёты исправимые. Важно, что Яшин заставил читателя не только чувствовать, но и думать и определить своё личное отношение к происходящему.

В годы Отечественной войны поэтический горизонт Яшина раздвинулся. Если раньше он видел преимущественно родной северный край, то теперь глазам поэта предстала вся страна. Книга «Земли богатырей» начинается стихотворением «К тятва», в котором встаёт образ Советского Союза, всей нашей социалистической Родины:

«Взгляни, какая земля большая,
Родная — не видно конца и края.
«Нету в мире
Другой земли такой великой,
Другой семьи такой многоликой».

Эта последняя строчка не случайна для Яшина. В юношеском стихотворении 34-го года «Так начиналась молодость» он писал:

«А мы пошли...
Первые в мире,
Впервые вместе».

Формула «вместе» осталась нерушимой, но сейчас Яшин глубже осознал величие и значение народа и взгляделся в его историю:

«В былые взгляни: если трудно было,
Мы миром вставали, и солнце всходило».

«Нас в братстве много,
И мы едины,
Не сменим дороги,
Не склоним спины».

Это «солнце братства» указывает единственно правильный путь, на котором не затеряется, а расцветёт, обретая новую силу и индивидуальность, каждый отдельный человек нашей страны и весь советский народ.

Поэт не знает «народа пытливей и благородней». Но земля наша окровавлена, города разбиты и «до крика каждую травку жаль». В сердце рождаются гнев и желание мести. Но это не мечь собственника, у которого разбойники разграбили дом. Это — великое возмездие, священная война за правое дело, за свободу Родины, за социалистический строй. Это в то же время — и спасение мировой культуры, «которую мы от рождения чтим». «Мы ныне совестью мира стали».

«Ни в чём
Никогда
Не сходи в вершины!
Клянись!» —

вот заповедь поэта и самому себе и всему своему поколению. И эта клятва — внутренний заповедь всех военных стихов Яшина.

Многие стихи, вошедшие в книгу «Земли богатырей», написаны в спешке, но в них читателя подкупают поэтическая искренность автора и его стремление быть конкретным.

Основная тема «Земли богатырей» — тема советского патриотизма. Прекрасно по лаконизму и боевой целеустремлённости стихотворение «Вечно помнить будет народ», где вожди наши Сталин и Ленин не названы по имени, но всякий читатель явственно видит их величавые образы:

«Вожьл укажет вперёд рукой —
Миллионы идут на бой.
Вечно помнить будет народ
Сорок первый военный год,
Руку верную в тяжкий час,
Направлявшую в битву нас,
Как и ту, что с броневика
Указала путь на века».

Всё личное, малое подчиняется общему, великому. «Пусть будет тяжело, всё вытерпим, но победим».

«Пусть разгуляется вихрь-коловерть,
Русскому — здорово,
Немцу — смерть».

В военных стихах Яшина есть пафос очевидца и участника событий:

«Я был в Ленинграде,
Потом в Сталинград
Война меня бросила: я солдат.
Но грустно, что я не на каждый порог,
Как вестник свободы, явиться мог...»

Здесь органическая жажда художника всё увидеть, узнать, запомнить, запечатлеть.

Правда, в этой книге мы встречаем места и беспомощную риторику, например, в стихотворении «Город гнева»:

«Тогда они,
В конце озверев,
Метнули на горд чёрные крылья».

«Озверенье» не вяжется с «крыльями», а крылья мудро метнуть; подобные строки показывают, что Яшиным тут потеряно ощущение слова как словообраза. Однако подобные неудач не так уж много. Гораздо больше подлинных художественных наблюдений, например в описании бомбёжки. Главное же — вся книга пропикнута горячей любовью к советской Отчизне.

«Земля богатырей» — целеустремлённая и действенная книга. Автор в ней шёл от частного к целому, ни одна деталь фронтového быта, вплоть до шинели, до лыж, не оставалась для него будничной. Всё встречающееся поэтически переосмысливалось, для того чтобы советский боец увидел свой ратный труд в сиянии славы и величия.

Война была испытанием не только моральной, но и интеллектуальной нашей силы. К советской поэзии, поэзии народа-победителя и освободителя, прислушивается весь мир — и друзья и враги. С новой силой, полные ещё более грозным содержанием, звучат слова Горького:

«Жизнь требует героической поэзии, поэзии углубления в смысл нарастающей трагедии. Никогда ещё жизнь не требовала от поэта и вообще от литературы так много...»

Советская поэзия, прошедшая через горнило войны, должна сказать своё слово и о послевоенном героическом труде и о той творческой мысли, которую несёт миру наш народ. Примитивным, только праздничным стихам и послевоенной идиллии не поверим ни мы, ни зарубежные читатели. А именно такую идиллию, как это ни странно, и предлагает Яшин в своей последней книге «Земляки».

Поэт начал со стихов о родном колхозе, пронёс поэтическую мысль через испытания войны и сейчас как бы вернулся к истокам своего творчества. Лирический герой Яшина демобилизованным возвращается в родной колхоз. Что же он находит здесь? Оказывается, тишь да гладь, никаких трудностей, словно и войны не было.

Многие из стихов, вошедших в книгу «Земляки», имеют право на существование, радость свойственна нашему народу, и когда же ещё ему радоваться, если не теперь, отстояв самое существование своё! Всё дело в подборе стихов, в том, что эта бездумная праздничность дана в последней книге Яшина как обобщение и единство, снимающее всякую проблематику.

Между тем Яшин и был интересен именно своими отходами от чистой лирики, своими попытками «думать», а не только чувствовать. Его тянуло к эпике, отсюда его стихотворные «кочерки», зарисовки, как бы фрагменты для будущих поэм. («Пуговка» — о старушке, заводской гардеробщице, пришившей на ленинское пальто свою пуговицу вместо оторвавшейся, «Евдокия Петровна» и др.)

В последней книге Яшин пошёл по линии наименьшего сопротивления, показывая колхозную жизнь поверхностно, плакатно, ста-

тично. Он не дал своим стихам внутреннего движения и целеустремлённости, не подумал о глубоких внутренних процессах нашей жизни, о том, что принесли бойцы с фронта, как они восприняли и переработали zahraniчные впечатления, и как опыт своего ратного труда они вносят в колхозный труд. Яшин не показал ни подлинной огромной силы трудового подвига деревни во время войны, ни того, как народ осознаёт и осуществляет наши гигантские задачи новых пятилеток. В книге нет дыхания живой мысли.

Яшин учится у народа, берёт фольклорные формы, творчески переплавляя их:

«Выспели да встоялись золотые льны,
Жёлтые от солнца,
Высоки, шумны...»

Речь Яшина обогащена такими народными выражениями, как:

«Что ей старопрежняя недоля». Слово «старопрежняя», прелестное по внутреннему лиризму, по интонации, прочно вошло в яшинский словарь.

Но многое поэт вводит чисто механически, беря на слух. Тут и «аль», и «знать», и «молочник», и «молодые ребята», — словом, весь привычный «набор». Между тем сам Яшин знает, что

«Слова-то красивого
Не подыщешь наскоро,
Чтобы очень правильно
Было, чтобы нравилось».

Как назвать самое дорогое?..

«Суженым, державушкой,
Симпатай? — Всё дешёво!»

Надо, чтобы поэт не продешевил своих слов, не отдал их за лёгкость, за мгновенный успех, за ответ минуте и часу, а не историческому дню, не эпохе.

С фольклором, как с родной почвой, тесно связаны и другие наши поэты, выходцы из деревни.

Исаковский овладел прежде всего народной песенной интонацией, системой и характером народных образов. Но песня Исаковского при всей близости к фольклору — не фольклор.

Иное дело в поэзии Яшина. Истоки его языка также в народном говоре, даже в местном диалекте. Но язык Яшина ещё не очищен. Часто это только первые, кустарные промывки золота, почти без учёта опыта старых мастеров.

У Яшина бывает и так, что он отрывается от народной речи и говорит специфически литературным языком, но этим он лишь обедняет свою поэзию:

«Мир опрокидывался. Рос
Бредовый хаос.
В чёрном небе
Метались стаи синих звёзд,
Выл лёт,
Плясал дельфин,
Кружился лебедь».

Яшину не хватает культуры слова, умения работать. Он оченьнисходителен к себе и

не считает нужным добиваться единственного и необходимого слова, довольствуясь приблизительным и случайным:

«Милости прошу гостей
Живых и здоровых».

(Стихотворение «Землянка».)

А если придёт раненый?

Попадаются у Яшина и города «на склоне реки», и такие прозаизмы, как «на лыжах не застрянем», и нарочитая грубоватость («девушка-комиссар — девка Галка»). Слово «девка» уже не бытует в разговорной речи, и нет надобности огрублять эту речь в книге.

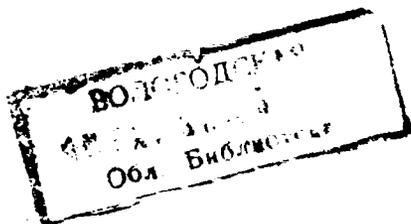
Хотя язык Яшина не устоялся ещё, но в нём ясно определились свои черты — стремление к живой, разговорной речи (песни поэту, хотя одна из них даже премирована, пока не удаются). Там, где Яшин стремится глубже отразить жизнь родного края, — там в стихах его меньше этого своеобразного «эстетизма» и любования словесными провинциализмами и архаизмами. Остаётся то, что живёт в народном языке, что ему природно. Именно в этом направлении идёт работа Яшина над своим языком.

Путь Яшина — в преодолении пристрастия к местному, замкнутому, диалектически ограниченному миру. И пусть в жизни родного колхоза, воспеваемого поэтом, отразится вся полнота общесоветской жизни, пусть в любимом автором северном селе Блудневе встретят нас живые люди с их стремлениями и страстями, с их душевными конфликтами, падениями и победами, пусть овзет нас ветер великой борьбы за новую сталинскую пятилетку, потому что без этого ветра борьбы поэзия останется только отдохновительной, приятной, как «летом вкусный лимонад».

Одарённость обяывает. Искусство требовательно. Но подлинное мастерство определяется не изощрённостью техники, а широким умственным кругозором художника, глубокой мыслью, свободным владением формой и чувством меры.

Путь к мастерству обусловлен непрерывной работой над словом и близостью к тому «былинному ключу», о котором писал Яшин.

«Былинный ключ» — это не отражение в народной поэзии давно прошедшего, а живое, вечно действенное, героическое самосознание народа.

Источник: Павлович Н. Александр Яшин / Н. Павлович // Октябрь. — 1946. — № 9. — С. 188-191.